

Первый глава сыскной полиции
Санкт-Петербурга

ИВАН ПУТИЛИН

СОРОК ЛЕТ СРЕДИ
ГРАБИТЕЛЕЙ И УБИЙЦ

— Слово сыщика

Слово сыщика

Иван Путилин

**Сорок лет среди
грабителей и убийц**

«Издательство АСТ»

1893

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Путилин И. Д.

Сорок лет среди грабителей и убийц / И. Д. Путилин —
«Издательство АСТ», 1893 — (Слово сыщика)

ISBN 978-5-17-107543-9

«Сорок лет среди грабителей и убийц» – это воспоминания первого начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции Ивана Дмитриевича Путилина (1830–1893), гения русского сыска, который в своё время стал человеком-легендой. Талантливого сыщика ценили все: начальство – за высокий профессионализм; простой народ – за стремление бескорыстно помочь попавшим в беду; преступный мир – за честность и исключительную даже по тем временам порядочность. Воспоминания начальника сыскной полиции увидели свет в 1889 году, незадолго до смерти самого автора – Ивана Дмитриевича Путилина. С того времени книга несметное количество раз переиздавалась – вплоть до Великой Октябрьской революции. В это издание вошли двадцать интереснейших рассказов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-107543-9

© Путилин И. Д., 1893
© Издательство АСТ, 1893

Содержание

Вещий сон под Рождество	6
Шайка разбойников-душителей	11
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Иван Дмитриевич Путилин
Сорок лет среди грабителей и убийц

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Вещий сон под Рождество

События, о которых я хочу рассказать, происходили давно и как раз под Рождество. На льду речушки у Средней Рогатки полиция нашла убитого и ограбленного, в одном белье, мужчину. Голова у него была проломлена, на шее затянута веревка, к концу ее привязан черенок от деревянной ложки.

Я подъехал в одно время с властями. Осмотрев труп, я подумал, что убивали в другом месте, а сюда его приволокли, для того и черенок пристроили – легче тащить. А следов нет, снегом запорошило.

Вначале никто из местных не мог опознать убитого, только вдруг бежит женщина, красивая, лет сорока пяти, беременная. Подбежала, увидела труп, всплеснула руками и заголосила:

– Сын мой, сыночек! Колюшка мой родной!

Я к ней.

– Позвольте узнать, кто вы будете?

– Я Анна Степанова, а это сын мой Николай.

Говорит так бойко, ясно, а сама трясется.

– А кто вы такая?

Она объяснила, что живет в получасе ходьбы от этого места и имеет маленькую сапожную мастерскую.

– Пойдем, – говорю, – к вам, пока его уберут да доктор осмотрит.

Пошли. Она плачет, убивается, а я ее утешаю. Приходим. Домик такой чистенький, две комнатки и большая мастерская, а при ней кухня. Вошли мы в комнату, я снял шубу, сел и повел с ней беседу.

– Как звать вас? – спрашиваю.

– Анна Тимофеевна.

– Что же, Анна Тимофеевна, любили вы сына вашего?

Она опять залилась слезами.

– Господи, – говорит, – как же не любить-то! Один он у меня. Покойник умирал, только о нем думал...

– Так вы вдова? – спрашиваю и на ее фигуру смотрю.

Она смутилась.

– Вдова. Восьмой год.

Я сделал вид, что ничего не заметил, и дальше про сына спрашиваю, любил ли он ее, путался ли с кем, пил ли.

– Смирный был, непьющий, почтительный. На Путиловском заводе работал и жил там, комнатку имел. По субботам прямо ко мне, и все воскресенье у меня. А в понедельник поднимется в пять часов – и на завод. И теперь шел, голубчик, да не дошел!... – и снова плачет.

– А получал много?

– Какое! Восемь гривен в день.

– Как же так? Сына любите, достаток у вас, видимо, есть, а он за восемьдесят копеек работал?

– А вот подите! Такой почтительный. Покойник мне заведение оставил и деньгами двадцать тысяч. Я говорю ему: «Куплю тебе домик, землю, женись и мать утешай». Нет! «Не хочу вам в тягость быть». Так и уперся.

Рассказала, во что сын был одет. Пальто с воротником, шапка, сапоги, брюки, жилет, часы и пиджак теплый, нанковый. Сама ему шила. В этом пиджаке она по его указанию внутренний карман с левой стороны на правую перешила, да за неделю до его смерти новую пуговицу пришила. Таких-то уже не было, так она большую приспособила.

Все расспросил я, а под конец говорю ей прямо:

– А теперь назовите и покажите мне вашего любовника!

Она так и зарделась. Молчит.

– Вы, – говорю, – мне уж все по совести, как на духу.

– Василий Калистратов, у меня в подмастерьях.

– А повидать его можно?

– Можно. Он дома, надо полагать. Вася! Василий! – позвала она в дверь.

– Сейчас, Анна Тимофеевна, – голос такой приятный, откровенный.

Через минуту вошел. Рослый, красивый, лицо открытое. Я поглядел на него, и он мне сразу понравился. Заметил только, что он очень бледен. Поговорили по пустякам, и я уехал.

Дело мне показалось неважным, и я поручил его своему помощнику.

– Знаете, – говорит он, – Иван Дмитриевич, убийца – Калистратов! Все укладывается так. Он любовник, у нее деньги и прочее, сын – наследник, да еще она его любит. Убрать сына, и этот Васяка – хозяин. Надо разузнать, где он был в эти часы.

Я и сам думал так же, только сердце не соглашалось. Так-то так, а не похож он на убийцу.

Я велел собрать сведения об убитом.

Ушел Николай Степанов с завода двадцать четвертого декабря в шесть часов. Ходу ему до дому не больше часа, а до этой речонки – с полчаса. Значит, убийство совершилось между шестью и семью часами.

Стал узнавать, где этот Василий был.

Ходил в Шереметьевку, и именно в эти часы. Путь его лежал именно через это место. Когда он вернулся, хозяйка очень беспокоилась о сыне, а он спокойно так сказал:

– Ничего ему не сделается, придет!

Все складывалось против Калистратова, но я велел Теплову вида не подавать и только следить за подозреваемым.

* * *

Надо вам сказать, что было у меня обыкновение: возле того места, где преступление совершилось, в народе толкаться да прислушиваться. Иногда пустое слово на след наводит. Так и тут. Хожу я, брожу, со всеми говорю, иных допрашиваю. И наткнулся тут на железнодорожную сторожку, что у Средней Рогатки.

Сторожей было два. Один черный, а другой рыжий. Черный – человек как человек, а рыжий мне сразу не понравился.

Я его на допрос. Начинаю расспрашивать, где он был в эти часы, не слышал ли криков, не видал ли чего подозрительного, когда именно поезда проходят, много ли работы у него, знал ли он этого Степанова, в чем одет был?

Отвечает он мне и все время сбивается. То говорит, что на пути был и ничего не видел, то утверждает, что в сторожке сидел. Потом уверяет, что путь осматривал, а то вдруг вспоминает, что с приятелем, другим сторожем, сидел. Путается, а как ему скажешь, он запрется.

– Я этого не говорил...

– Как не говорил? Ведь записано.

– Не могу знать. Я – человек темный, грамоте не учен, а говорить того не говорил.

Сделал у него обыск – ничего подозрительного, но чувствую я, всем естеством чувствую, что связан он с этим делом. То ли пособлял, то ли сам сработал.

Позвал Теплова и говорю: так и так, рыжий этот – преступник, и его надо арестовать. А Теплов умоляет, чтобы я Василия арестовал.

– Никуда от нас не уйдет Василий, – говорю я, – надо за рыжего взяться.

– Нет, Иван Дмитриевич, – отвечает он, – рыжего вы тоже можете арестовать, а Василия – уж для меня, пожалуйста.

Ну, мне что же – арестовал.

Василий побледнел как полотно.

– Если, – говорит, – насчет убийства, то Богом клянусь, не повинен!

Анна Тимофеевна плачет, рекой разливается. Жалко мне их, а забрал, но забрал и рыжего.

* * *

Прошел, наверное, день, как я арестовал их обоих, и вдруг приходит ко мне сама мать убитого, Анна Степанова.

– Здравствуйте, я к вам!

– Здравствуйте, – отвечаю. – С чем пришли? Новости есть?

– Не знаю, как и сказать вам, – начала она, садясь возле стола. – Теперь вот, как я одна осталась да все думаю про горе свое, так мне многое припомнилось, о чем раньше и невдомек было. Соседка моя, Агафоновна, говорит: «Иди да иди», – я и пошла. А теперь думаю, может, глупости все это.

– Никаких, – говорю я ей, – глупостей быть не может, потому что иногда самый пустяк вдруг все дело проясняет. Пожалуйста, рассказывайте.

Она начала рассказывать. Поначалу тихо, спокойно, а потом очень разволновалась.

– Был у сына моего сон, – сказала она, – тогда-то был пустой, а теперь выходит, что был он от Господа ангелом-хранителем ему внушен. Говорила я вам раньше, что он завсегда в праздники у меня ночевал, а утром в пять часов вставал и на завод шел?

Я кивнул, а сам, пока она говорила, приказал, чтобы рыжего привели. Хотел его еще порасспросить кое о чем.

А она продолжает:

– Ну вот, был он у меня, голубчик, в последнее воскресенье. Он спал завсегда подле меня, в чуланчике. Сплю я это и вдруг слышу страшный крик. Я вскочила, зажгла огонь и пошла к сыну. А он, голубчик, сидит на постели, бледный, как наволочка у подушки, весь в поту и трясется. «Колюшка, говорю, – что с тобой?!» – «Страшное, – говорит, – маменька, привиделось. Будто пошел я от вас на завод, и на меня подле самого железнодорожного полотна пять человек напали и бить стали. Вот до сих пор дрожу». Перекрестила я его и говорю: «Сон сном, а только ты, сыночек, не ходи сегодня по своей дороге, а пойдешь по другой». Он так больше и не заснул, а в пять часов ушел.

– И все? – спрашиваю я.

– Нет, дальше еще страшнее и изумительнее, батюшка. Весь день мне было страшно за Колюшку. Я даже Василию об этом говорила. Потом легла спать и вдруг тоже сон вижу. Будто темная ночь, и снег крутит. Пусто кругом так. Сторожка стоит, а вокруг ни души. Гляжу, идет мой Коля и так-то торопится, и вдруг как выбегут пять человек, таких страшных, и с ними один рыжий, высокий. Замерла я от страха, хочу крикнуть, а они уже на него напали и душат его... Я побежала к нему, кричу, зову на помощь...

Тут меня Василий разбудил. Проснувшись я сама не своя, дрожу вся. На следующий же день к сыну пошла. Он здоровый, веселый. «К празднику, говорит, – ждите...» Я и ушла.

Она перевела дух, вытерла вспотевшее лицо и опять начала рассказывать.

– Жду я его в тот-то день, двадцать четвертого, кофей сварила, а он не идет. Василий ушедши, ребята тоже, и так-то жутко, и все о Николаше беспокойство. Ждала, ждала и все думала, что это он запоздал... Вдруг...

Тут она побледнела и почти шепотом заговорила:

– Как что-то загремит, загукает мимо окон. Словно бы пожарные пронесли. Дом так весь и затрясся. Я обмерла. С нами крестная сила!

Сию ни жива ни мертва и не знаю, как Василия дождалась. Он пришел, я ему говорю, а он усмехается.

Был мне праздник не в праздник, и тоскую я, и боюсь, и сама не своя спать легла. Сплю, и опять сон. Пришел ко мне будто тот рыжий, что с другими четырьмя тогда привиделся, две капли он. Пришел и со смехом говорит: «Ну, покончили мы твоего сына, приказал тебе долго жить!» Я закричала и проснулась.

В то время, как она рассказывала, привели ко мне рыжего. Она к двери боком сидела, а он у порога стоял. Кончила она говорить, повернула голову, да вдруг как закричит! У меня даже волосы дыбом.

– Он! Тот самый рыжий, что я во сне видела!

Я тотчас велел его увести и стал ее успокаивать. Она все трясется и все твердит – он да он!

* * *

Позвал я опять Теплова и рассказываю все, а тот только улыбнулся.

– Эх, – говорит, – самое обыкновенное дело. Не видите вы, что баба пришла просто следы замести? Сына уже нет, его не вернуть, а любовник жив и в беде. Вот она его по-своему и выручает.

Повозился я еще месяц с рыжим сторожем и Василием и за недостатком улики отпустил их, а дело следствием прекратил.

После этого прошло так месяца два, а то и три.

И вдруг... Из пересыльной тюрьмы, подпилив решетку, через окно сбежали четверо арестантов.

На другой день получаем из Петергофа телеграмму, что задержаны четыре молодца, называются бродягами, но головы бриты, и, надо думать, они и есть те беглые арестанты.

Написали мы, чтобы их доставили к нам, и вдруг меня мысль осенила: нет ли кого из них в нанковом пиджаке на вате, а если есть, то какой пиджак, какая подкладка и пуговицы? Сел, написал это и велел тотчас ответить подробно.

Через день пришел ответ, и в нем как по заказу:

«На одном был пиджак из нанки, на вате. Подкладка шерстяная, черная, в белых полосках, на левой стороне будто след от споротого кармана. Пуговиц по пять с каждого борта, роговые, темные, а одна, справа, верхняя, в сравнении с другими гораздо больше».

Вот они! Вот и убийцы!

И сейчас же мне припомнился сон. Во сне Степанова видела пятерых, а тут четыре разбойника. Кто же пятый? А пятый – сторож рыжий!

Пригласил я Теплова.

– Убийцы Степанова открыты!

– Кто?

– А вот кто! Извольте рыжего снова арестовать и потом, как тех привезут, очную ставку сделать.

Теплов тотчас арестовал рыжего и привел его ко мне. Едва я увидел его, говорю:

– Теперь сознавайся, братец, потому как сюда везут твоих четверых приятелей!

– Каких приятелей?

– А беглых из тюрьмы, которые у тебя гостили!

Это я уже от себя сказал.

Дрогнул он и говорит:

– Точно, есть и моя вина! Только я не убивал...

– А что делал?
Тут он все и рассказал.

* * *

Дело так вышло.

Сидел он у себя в сторожке, сапоги чинил. Вдруг дверь распахнулась, ввалились четыре арестанта в серых куртках и прямо на него. Давай им есть, пить, деньги и одежду на всех.

Он перепугался до смерти и отдал им все, что мог.

Съели они весь хлеб, кашу, квас выпили. Взяли всю его одежонку, старую и новую, а на четверых всего этого мало. Наряжаются они, а один выглянул в окно и говорит:

– Вон добрый человек идет, он нам поможет.

А это несчастный Степанов.

Тут дело темное. Рыжий говорит, что он не помогал им, а надо думать, помогал.

Взяли из сторожки молоток, которым рельсы пробуют, и вышли на дорогу. Степанов увидел их и побежал. Они нагнали его, повалили...

Все, как во сне! Убили ударом молотка, а потом бросили и хотели идти.

Рыжий перепугался. Разбойники уйдут, труп оставят, а его затааскают, а то и засудят. «Помогите уволочь его!» Они согласились. Нашел рыжий веревку, затянул ее на шее убитого, привязал черенок от ложки, чтобы ловчее тащить было, и они потащили труп к речке. Трое волокли, а двое следы заматали.

Труп бросили. Беглые пошли дальше, а рыжий вернулся в сторожку и на полу всю кровь выскоблил, а снег, что пошел вскорости, все следы запырошил.

Так и погил Николай Степанов, увидевший вместе с матерью свою смерть во сне накануне Рождества.

Шайка разбойников-душителѐй

Это была хорошо организованная шайка. Члены шайки – наглые, энергичные, смелые. Одно время они навели на Петербург панику.

Операции их начались в 1855 году. В конце этого года на Волховской дороге был найден труп мужчины, задушенного веревочной петлей. Расследование установило, что это был крестьянин Семизоров из села Кузьминского, что он ехал домой, был по дороге кем-то удушен, после чего у него взяли лошадь, телегу и деньги.

Следом за ним на той же Волховской дороге был удушен крестьянин деревни Коколовой Иван Кокко, причем у него взяты были лошадь с санями.

Затем страшные преступники как будто переселились в Кронштадт, и там также были убиты удушением веревочной петлей и ограблены друг за другом крестьянин Ковин и жена квартирмейстера Аксинья Капитонова.

Потом убийство удушением Михеля Корвонена и легкового извозчика Федора Иванова, оба раза с ограблением и уже снова в Петербурге, на погорелых местах Измайловского полка.

Следом за извозчиком Ивановым близ Скотопригонного двора был найден труп также удушенного и ограбленного извозчика.

Как сейчас помню панику, охватившую жителей столицы, а особенно извозчиков.

Нас же угнетало чувство бессилия. Я был тогда еще маленьким человеком, помощником надзирателя при Нарвской части, но начальство уже отличало меня.

Пристав следственных дел, некий Прач, толстый, краснолицый, с рыжими усами, самоуверенно говорил:

– Небось откроем! У меня есть такие люди, которые ищут, и сам я гляжу в оба!

Но он больше глядел в оба... кармана мирных жителей своей части.

Другое дело Келчевский.

Он был стряпчим по полицейским делам той же Нарвской части и проявлял незаурядную энергию, особенно в ведении следствия. Мы с ним подолгу беседовали о таинственных убийствах. Как он, так и я, не сомневались, что в этих убийствах принимает участие не один и не два человека, а целая шайка.

Конец этого года и начало следующего можно назвать буквально ужасными. За два месяца полиция подобрала одиннадцать тел, голых, замерзших, со страшными веревками на шее! Это были извозчики или случайные прохожие.

Из одиннадцати подобранных тел девять удалось оживить благодаря своевременной медицинской помощи, и рассказы потерпевших были страшнее всяких придуманных рождественских рассказов.

– Наняли меня, – вспоминал извозчик, – два каких-то не то мещанина, не то купца на Рижский проспект, рядились за тридцать копеек, я и повез. Они песни поют. Только въехали мы с Седьмой Роты на погорелые места, они вдруг притихли. Я поглядел – они что-то шепчутся. Страх меня забрал. Вспомнил про убийцев и замер. Кругом ни души, темень. Я и завернул было коня назад.

А они: «Куда? Стой!» Я по лошади, вдруг – хлясть! Мне на шею петля, и назад меня тянут, а в спину коленом кто-то уперся.

– А в лицо не помнишь их?

– Где ж? Рядили, мне и невдогад!

– Возвращался от кума с Сочельника, – рассказывал другой. – Надо было мне свернуть в Тарасов переулок, я и свернул. А на меня двое. Сила у меня есть, я стал отбиваться, только один кричит: «Накидывай!» Тут я почувствовал, что у меня на шее петля. А там запрокинули меня, и я обеспамятовал...

И опять в лицо признать никого не может.

Граф Петр Андреевич Шувалов, бывший тогда петербургским обер-полицеймейстером, отдал строгий приказ разыскать преступников.

Вся полиция была на ногах, и все метались без толка в поисках следов.

* * *

Трудное это было дело! Я потерял и сон, и аппетит. Не могут же скрыться преступники, если их начать искать как следует? И дал я себе слово разыскать их всех до одного, чего бы мне это ни стоило.

Убийцы не только уводили сани и лошадей, но и раздевали своих жертв донага. Должны же они были сбывать куда-нибудь награбленное, а награбленное было типичное, извозничье.

Я решил утром и вечером бродить по Сенной, на Апраксином, на толкучке до тех пор, пока не найду или украденных вещей, или продавцов.

С этой целью с декабря я каждый день наряжался то оборванцем, то мещанином, то мастеровым и шатался по известным мне местам, внимательно разглядывая всякий хлам.

Дни шли, не принося результатов.

Келчевский, посвященный в мои розыски, каждый день спрашивал с нетерпением:

– Ну, что?

– Ничего!

Но вот однажды, а именно тридцатого декабря, я сказал ему:

– Кажется, нашел!

Он оживился.

– Как? Что? Кого? Где?

Но я ничего ему не ответил, потому что сам еще знал очень мало.

* * *

Дело было так.

По обыкновению я вышел на свою охоту вечером двадцать девятого декабря. Переодетый бродягой, шел я медленно мимо Обуховской больницы, направляясь к Сенной, чтобы провести вечер в малиннике, когда меня перегнали двое мужчин, по одежде – мастеровые. Один из них нес узел, а другой говорил ему:

– Наши уже бурили ей. Баба покладистая...

Меня словно что-то толкнуло! Дал я им пройти вперед и тотчас пошел следом. Они шли быстро, избегая людей, и для меня, человека опытного, стало ясно, что они несут продавать краденое.

Недолго думая, я нащупал в кармане свой перстень с сердоликом и решил следить за этими людьми.

Они миновали Сенную площадь и вошли в темные ворота огромного дома де Роберти. Через ворота вошли во двор и пошли вглубь, а я вернулся на улицу и стал ожидать их возвращения.

Рисковать и идти за ними не было нужды. Место, куда они направлялись, я уже знал. Там, в подвале, жила солдатская вдова Никитина, известная мне скупщица краденого.

Знала и она меня не по одному делу, и я пользовался у нее даже расположением, потому что всегда старался не вводить ее в убытки отобранием краденого и устраивал так, что пострадавшие люди за малую цену выкупали у нее вещи.

Ждать мне пришлось недолго. Минут через пятнадцать – двадцать вышли мои приятели, уже без узла.

Я пошел им навстречу и у самого фонаря нарочно столкнулся с одним из них, чтобы лучше разглядеть его в лицо. Он выругался и отпихнул меня, но этого времени было достаточно, чтобы я узнал его в тысячной толпе.

Я перешел на другую сторону и стал следить. Они зашли в кабак, наскоро выпили по стакану и вышли, закусывая на ходу печенкой.

Один спросил:

– Ночевать где будешь?

– А в Вяземке, – ответил другой. – А ты?

– Я тут... С Лукерьей!

Они остановились у дома Вяземского, этой страшной в свое время трущобы, и распрощались.

Я тотчас вернулся в дом де Роберти и вошел прямо в квартиру Никитиной.

Она пила за некрашеным столом чай, со свистом втягивая его с блюда.

Взглянув на меня, безучастно спросила:

– Чего, милый человек, надо?

Я невольно рассмеялся.

– Не узнала?

Она оставила блюдо и всплеснула руками.

– А вот те Христос, не признала! Ваше благородие! Вот обрядились-то! Диво!

– За делом к тебе, – сказал я. Она тотчас приняла степенный вид и, выглянув в сени, старательно закрыла дверь.,

– Что прикажете, ваше благородие?

– У тебя сейчас двое были, вещи продали, – сказал я. – Покажи их!

Она кивнула головой, беспрекословно подошла к сундуку и показала мне вещи.

Я аж задрожал, как ищейка, напавшая на след: это были довольно старый полушубок и извозничий кафтан с жестяной бляхой! Чего лучше! Предчувствие меня не обмануло, я напал на след!

Но затем наступило разочарование.

– Пятерку дала, – равнодушно пояснила мне Никитина. – Али краденые?

– Другое-то разве несут к тебе? – сказал я. – Ну, вещи пока что пусть у тебя будут, только не продавай их. А теперь скажи, кто тебе их принес?

Она подняла голову и спокойно ответила:

– А пес их знает. Один через другого, мало ли их идет. Я и не спрашиваю!

– Может, раньше что приносили?

– Нет, эти в первый раз.

– А в лицо запомнила?

Она покачала головой.

– И в лицо не признаю. Один-то совсем прятался, в сенях стоял, а другой все рыло воротил. Только и видела, что рыжий. Да мне и в мысль не приходило разглядывать.

Я смущенно вздохнул.

– Ну, так пока что хоть вещи побереги!

И вот на это-то происшествие я и намекнул Келчевскому.

Несомненно, я напал на след, это ясно. Но вместе с тем у меня в руках не было еще никакого материала. Тем не менее я решил отыскать этих людей, стал их выслеживать, и седьмого января удалось арестовать молодцов, обвинив их в продаже тулупа и армяка.

Келчевский взялся их допросить.

Один из них, рыжий, здоровый парень с воровской наглой рожей, назвался государственным крестьянином Московской губернии Александром Петровым, а другой – мещанином Иваном Григорьевым.

Заявили они, что ходят без дела, ищут места, а что до Никитиной, то никакой такой не знают и никаких вещей ей продавать не носили. Уперлись на этом, и конец.

Мы их посадили, а я занялся проверкой паспортов. Они оказались в порядке.

Вызывали Никитину. Не знаю, боялась ли она в самом деле, только не признала ни того, ни другого.

Между тем уверенность, что это именно одни из «душителей», была во мне так крепка, что передалась и Келчевскому. Тот продолжал держать их в тюрьме.

Время шло. Я продолжал свои поиски, но безуспешно. Мои арестанты сидели, Келчевский безуспешно допрашивал их. А убийства с удушением продолжались.

Я уже начал падать духом, как вдруг опять случай пришел мне на помощь.

* * *

Однажды я присутствовал при допросе Келчевским старого рецидивиста Крюкина по делу о шайке грабителей, орудовавших в то же время в Петербурге. Надо сказать, что Келчевский знал свое дело блестяще, и именно ему я обязан своим умением добиваться признания. Несколькими словами он мог сбить с толку допрашиваемого и узнать правду. Так и в этот раз.

– Плохо твое дело. Я бы, пожалуй, помог тебе, если бы и ты нам помог, – сказал он Крюкину.

Лицо Крюкина оживилось надеждой.

– Чем, ваше благородие?

– Где, с кем сидишь?

– Нас много, восемь!

– А Иванов с тобой?

– Душитель-то?..

Я чуть не подпрыгнул, но Келчевский сохранял полное спокойствие. Он кивнул и сказал:

– Он самый! Узнай у него, скольких он удушил и с кем...

Крюкин покачал головой.

– Трудно, ваше благородие! Действительно, говорил, что душит и вещи продает, а больше ничего. Мы его даже спрашивали: как? А он выругался и говорит: «Я пошутил». Ребята сказывали, что знают его, ну а как и что подлинно, никто не знает.

– Ну, а ты узнай! – сказал ему Келчевский и отпустил.

– Значит, наша правда! – воскликнул я, едва грабителя увели.

Келчевский засмеялся.

– Наша! Я давно это чувствовал, да конца веревки в руках не было. А теперь все дознаем.

– Вызвать Иванова?

– Непременно!

Он тотчас написал приказ, чтобы к нему доставили из тюрьмы Иванова. Через полчаса перед нами стоял этот Иванов. Нагло улыбаясь, он отвесил нам поклон и остановился в выжидательной позе.

– Ну, здравствуй, – сказал ему ласково Келчевский. – Что, сидеть еще не надоело?

Этот допрос происходил второго апреля, и, значит, Иванов сидел без малого три месяца. Иванов передернул плечами.

– Известно, не мед, – ответил он. – Ну, да я знаю, что господа начальники и смилостивятся когда-нибудь.

Келчевский покачал головой.

– Вряд ли! Суди сам, Петров говорит, что ты душил извозчиков, а я тебя вдруг отпущу!

– Петров?! Ах, он... – воскликнул Иванов.

– Что Петров, – продолжал Келчевский. – Ты сам говоришь то же...

– Я?

– Ты. Крюкину говорил, Зикамский и Ильин тоже слышали. Хочешь, позову их?

– Брешут они. Ничего я такого не говорил.

– Позвать?

– Зовите. Я им в глаза наплюю.

– А что от этого? Все равно сидеть будешь. Поймаем еще двух-трех – они не дураки. Все на тебя наклепят, благо, уже сидишь. Петров-то все рассказал...

Иванов стал горячиться.

– Что рассказал-то? Что?

– Сказал вот, что вещи продавали...

– Ну, продавали, а еще что?

– Что ты душил...

– А он? – закричал неистово Иванов.

– Про себя он ничего не говорил. Ты душил и грабил, а продавали оба, – спокойно ответил Келчевский.

– Так он так говорит! – трясая головой и сверкая глазами, закричал Иванов. – Ну так я ж тогда! Пиши, ваше благородие! Пиши! Теперь я всю правду вам расскажу.

Келчевский кивнул и взял перо.

– Давно бы так, – сказал он. – Ну, говори!

Иванов начал рассказывать, оживленно жестикулируя.

– Убивать действительно убил. Только не один, а вместе с этим подлецом, Петровым. Удушили извозчика, что в Царское ехал. Взяли у него все – и только, больше ничего не было.

– Какого извозчика? Где? Когда?

– Какого? Мужика! Ехал в Царское, обратно. Мы его на Волховском шоссе и прикончили. В декабре было.

– Так! Ну а вещи куда дели? Лошадь, сани?

– Лошадь это мы, как есть двадцать восьмого декабря, в Царское с санями увезли. Сани продали Костьке Тасину, а лошадь – братьям Дубовицким. Там же, в Царском. Они извоз держат...

– Какая лошадь?

– Рыжая кобыла, на лбу белое пятно, и одно ухо висит.

– А сани?

– Извозничьи. Новые сани, двадцать рублей дали. а за лошадь – двадцать пять.

– А полушубок, армяк?

– Это тоже у Тасина, а другой – у солдатки. Тот самый, на чем поймались. А остальную одежду и торбу, сбрую – в сторожку на Лиговке.

– В какую сторожку?

– В караульный дом, номер 11. Туда все носят сторожу. Вот и все. А что Петров на меня одного, так он брешет. Вместе были, вместе пили...

– Ну, вот и умный, – похвалил его Келчевский. – Теперь мы во всем живо разберемся. Он написал распоряжение о переводе арестованного в другую камеру и отпустил его. Едва он ушел, как я вскочил и крепко пожал руку Келчевскому.

– Теперь они все у нас! Надо в Царское ехать!

– Прежде всего надо его сиятельству доклад изготавить.

На другой день о деле было доложено графу Шувалову, и он распорядился тотчас начать энергичные розыски в Царском Селе, для чего командировал меня, Келчевского и еще некоего Прудникова, чиновника особых поручений при губернаторе.

* * *

Собственно, самое интересное начинается с этих пор. В этих розысках я не раз рисковал жизнью, и может быть, поэтому дело это так запечатлелось в моей памяти. Передо мной сейчас лежат сухие полицейские протоколы, а я вижу все происшедшее как наяву, хотя с той поры прошло добрых сорок лет.

Итак, нам троим было поручено это дело, а собственно говоря – одному мне.

* * *

Но еще до назначения графом Шуваловым я принялся за розыск. Едва стемнело, я переоделся оборванцем: рваные галоши на босу ногу, рваные брюки, женская теплая кофта с порванным локтем, военная засаленная фуражка. Подкрасил себе нос, сделал на лице два кровоподтека и, хотя на дворе было изрядно холодно, вышел на улицу и смело пошел на окраину города, на Лиговский канал.

В ту пору места за Московской заставой представляли собой совершенную глушь. Вокруг простирались пустыри, не огороженные даже заборами, а у шоссе стояли одинокие сторожки караульчиков от министерства путей сообщения, в обязанности которых входило следить за порядком на шоссе. Эти крошечные домики отстояли друг от друга примерно на двести саженей.

Туда-то я и направил свои шаги. Иванов указал на караулку под номером 11, и я решил прежде всего осмотреть ее внутри и снаружи.

Одинокая караулка стояла саженьях в пяти от шоссе. Два крошечных окна и дверь выходили наружу, а с боков и сзади домик окружал невысокий забор. Тут же, за домиком, протекала Лиговка, за ней чернел лес.

Место было глухое. Ветер шумел в лесу и гнал по небу тучи, сквозь которые изредка пробивался месяц. Из двух окон сторожки на шоссе падал бледный свет. Настоящий разбойничий притон!

Я осторожно подошел к караулке и заглянул в окно. Оно было завешено ситцевой тряпкой, но ее края не доходили до косяков, и я видел все, что происходило в комнате.

Комната была большая, с русской печью в углу. Вдоль стены тянулась скамья. Перед скамьей стоял стол, а вокруг него – табуретки. На другой стене висела всякая одежда.

За столом, прямо лицом к окну, сидел коренастый блондин, видимо, чухонец. У него были светлые большие усы и изумительно голубые, какие-то детские глаза. По всему чувствовалось, что он обладает недюжинной силой.

К его плечу прислонилась рослая красивая женщина. Другая женщина сидела к окну спиной. На скамье восседал рослый мужчина в форменном кафтане с бляхой и с трубкой в зубах.

На столе стояли зеленый полуштоф, бутылки с пивом и деревянная чашка с каким-то хлебом. Между присутствующими царило согласие, лица выражали покой и довольство. Чухонец что-то говорил, взмахивая рукой, и все смеялись.

Я решился на отчаянный шаг и постучал в окошко.

Все вздрогнули и обернулись к окну. Чухонец вскочил, но потом опять сел. Сторож пыхнул трубкой, медленно встал и пошел к двери.

Признаюсь, я дрожал – отчасти от холода, отчасти от волнения. Дверь распахнулась, и в ее просвете показалась высокая фигура хозяина. Опираясь плечом о косяк, он придерживал свободной рукой дверь.

– Кто тут? Чего надо? – грубо окрикнул он.

Я выступил на свет и снял картуз.

– Пусти, Бога ради, обогреться! – сказал я. – Иду в город, озяб, как кошка.

– Много вас тут шляется! Иди дальше, пока собаку не выпустил!

Но я не отставал.

– Пусти, не дай издохнуть! У меня деньги есть, возьми, коли так не пускаешь.

Этот аргумент смягчил сторожа.

– Ну, вались! – сказал он, давая дорогу, и, обратясь к чухонцу, громко пояснил:

– Бродяга!

Я вошел и непритворно стал прыгать и колотить нога об ногу, так как чувствовал, что они окоченели.

Все засмеялись. Я притворился обиженным.

– Походили бы в этом, – сказал я, сбрасывая с ноги галошу, – посмеялись бы!

– Издалека?

– С Колпина! Иду стрелять пока што...

– По карманам? – засмеялся сторож.

– Ежели очень широкий, а рука близко... Водочки бы, хозяин! Озяб!

– А деньги есть?

Я захватил с собой гривен семь мелкой монетой и высыпал теперь их на стол.

– Ловко! Где сбондил?

Я прикинулся снова и резко ответил:

– Ты не помогал, не твое и дело...

– Ну, ну! Мое всегда цело будет! Садись, пей! Стефка, налей!

Сидевшая подле чухонца женщина взяла полуштоф и тотчас налила мне стаканчик. Я чокнулся с чухонцем, выпил и полез в чашку, где были накрошены свекла, огурцы и скверная селедка, что-то вроде винегрета.

Сторож, видимо, успокоился и сел напротив меня, снова взявшись за трубку. Чухонец с голубыми глазами ребенка стал меня расспрашивать.

Я вспомнил историю одного беглого солдата и стал передавать ее, как свою биографию.

Сторож слушал меня, одобрительно кивая головой. Чухонец два раза сам налил мне водки.

– А где нынче ночевать будешь? – спросил меня сторож, когда я окончил.

– А в лавре! – ответил я.

– Ночуй у меня, – вдруг к моей радости предложил сторож. – Завтра пойдешь. Вот с ним, – он кивнул на чухонца.

Я равнодушно согласился.

– Как звать-то вас? – спросил я их.

– Сразу в наши записаться хочешь? – засмеялся сторож. – Ну что ж! – И он назвал всех: – Меня Павлом зови. Павел Славинский, я тут сторожем. Это дочки мои, Анна да Стефка – беспутная девка! Ха-ха-ха! А этого Мишкой звать. Вот и все. А теперь иди, покажу, где тебе спать.

Я простился со всеми за руку, и он отвел меня в угол за печку. Там лежал вонючий тюфяк и грязная подушка.

– Тут и спи. Тепло и не дует, – сказал он и вернулся в горницу.

Я видел свет и слышал голоса. Потом все смолкло. Мимо меня прошли дочери хозяина и скрылись за дверью.

Павел с Мишкой о чем-то шептались, но я не мог разобрать их голосов.

Вдруг дом содрогнулся от ударов в дверь. Я насторожился. В ту же минуту на меня пахнуло холодным воздухом, и раздался оглушительный голос.

– Водки, черт вас дер!

- Чего орешь, дурак! – ответил Павел.
- Дурак! Вам легко лаяться, а я, почитай, шесть часов на шоссе простоял, так ничего себе!
- А чего стоял?
- Чего? Известно чего – проезжего ждал!
- Ну, дурак и есть! – послышался голос Мишки. – Ведь было сказано, пока наших не выпустят, остановиться.
- Го, го! Дураки вы, если так решили. Остановитесь, все скажут – они и душили. А их выручать надо.
- Лучше двое, чем все!
- Небось! Лучше ни одного...
- Жди, дурак! У них там завелся черт – Путилин. Всех вынюхает.
- А я ему леща в бок.
- Я тихо засмеялся. Если бы знал Павел Славинский, кого он приютил у себя!
- Они продолжали говорить с полной откровенностью.
- А у Сверчинского кто?
- Сашка с Митькою.
- А они как решили?
- Да как я! Душить...
- И пришедший грубо расхохотался.
- Значит, к тебе добра и не носить, а?
- Зачем? Носить можешь, я куплю.
- Ну, то-то! Так бери!
- На стол упало что-то тяжелое.
- Постой! – вдруг сказал Мишка.
- Я услышал его шаги и тотчас раскинулся на тюфяке, притворившись спящим. Мишка нагнулся и ткнул меня в бок. Я замычал и повернулся. Он отошел.
- Что принес? – почти тотчас раздался голос Павла.
- А ты гляди!..
- Послышался легкий шум, что-то стукнуло, потом раздалось хлопанье по чему-то мягкому. Разговор шел отрывочными фразами.
- Где достал?
- А тебе што?
- Нет, я так. Дрянь уж большая.
- Скажи пожалуйста, дрянь! За такую дрянь по сто рублей платят!
- Где как, а у меня красненькую.
- Красненькую! Да ты жид, что ли?
- И тут поднялся такой гвалт, что от него впору было проснуться мертвому.
- Тише, дьяволы! – закричал наконец Мишка. – Ведь тут... – и он не договорил, вероятно, сделав жест.
- А ну его! – отозвался хозяин. – Он нашим будет! Ну, двадцать рублей – и крышка!
- Они опять стали кричать, потом на чем-толадили.
- Ну, пошел, – сказал пришедший.
- Куда?
- А к соседу. Пить. Идем, что ли...
- Можно, – отозвался хозяин. – А ты?
- Кто же дом постережет? – ответил Мишка. – Нет, я останусь!
- Как хочешь...
- Ха-ха-ха! – захохотал гость. – Он не соскучится!
- Мели-мели...

Послышалось шарканье ног, пахнуло холодным воздухом, хлопнула дверь. Все стихло. Через минуту Мишка прошел мимо меня и стукнул в дверь, за которую ушли девушки. – Стефка! – окликнул он. – Иди! Никого нет...

Он отошел. Почти тотчас скрипнула дверь, и мимо меня мелькнула Стефания, босиком, в длинной холстинной рубашке.

Раздался звук поцелуя.

– Куда отец ушел?

– С Сашкой в девятый номер. До утра будут.

И снова раздались поцелуи и несвязный шепот.

Интерес для меня окончился, и я заснул.

Было еще темно, когда Мишка разбудил меня и сказал:

– Я иду в город, иди и ты!

Я тотчас вскочил на ноги.

Мишка с его детскими, невинными глазами ребенка не производил впечатления разбойника. Впоследствии во время своей службы я не раз имел случай убедиться, насколько ошибочно мнение, что глаза есть «зеркало души».

Самого Славинского не было. Стефания лениво нацедила какой-то коричневой бурды в кружку, предложив мне ее вместо кофе. Я выпил и взял картуз.

– Заходи, – просто сказала Стефания. – Отец покупает разные вещи!

– Это на руку! – весело ответил я. – Буду нынче же.

– Если не попадешься, – прибавил Мишка.

– Сразу-то? Шалишь!.. Ну, прощенья просим!

Я простился с девушкой за руку и пошел. Мишка задержался на минуту, потом догнал меня.

– Хорошо спал? – спросил он.

– Как собака!

Мы сделали несколько шагов молча, потом Мишка стал говорить, сперва издали, потом прямее.

– Теперь в Питере вашего-то брата, беглых разных, пруд пруди! Только не лафа им...

– А что?

– Ловят! Уж на что шустрые ребята, что извозчиков щупали, а и тех всех переняли...

Опять же, воров...

– Меня не поймают...

– Это почему?

– Потому один буду работать.

– И хуже. Обществом куда способнее! Тебе найдут, тебе укажут, действуй! А там и вещи сплавят, и тебя укроют... Нет, одному хуже! Ты вот с вещами... А куда идти? Иди к Павлу. Ты с ним сдружись, польза будет!

– А тебе есть польза? – спросил я смело.

Он усмехнулся.

– Много будешь знать – скоро состаришься! Походи к нему, увидишь. Ну, я в сторону.

Мы дошли до Обводного канала.

– Прощай!

– Если что будет али ночевать негде, иди к Павлу!

– Ладно! – ответил я и, простившись, зашагал по улице.

Мишка скрылся в доме Тарасова.

Я нарочно делал крюки, путался на Сенной, петлял, а потом осторожно юркнул в свою Подьяческую, где тогда жил.

Умывшись и переодевшись, я пошел в Нарвскую часть, где Келчевский встретил меня радостным известием о командировке. Я засмеялся.

– Пока что я и до командировки половину знаю!

– Да ну? Что же?

– Это уж потом! – сказал я. – Вернемся, сразу же по следу пойдем.

– Отлично! Ну а теперь, когда же едем и куда?

– В Царское! Хоть сейчас!

– Ишь, какой прыткий! А Прудников?

– Ну, вы с ним и отправляйтесь, а я сейчас один, – решительно заявил я.

Келчевский тотчас согласился.

– Где же увидимся?

– А вы идите прямо в полицейское присутствие, я туда и заявлюсь.

– С Богом!

Келчевский пожал мне руку, и я отправился.

* * *

Поездка в Царское явилась для меня совершенно пустым делом. Я захватил с собой шустрого еврея, Ицку Погилевича, который служил в городской страже, и вместе с ним обделал все за два часа.

Взяв из полиции городских, я явился прямо к содержателям извозчичьего двора, Ивану и Василию Дубовицким, и, пока их арестовывал, мой Ицка успел отыскать и лошадь, и упряжь, проданные им моими арестантами.

Я отправил их в часть, а сам с Ицкой и двумя стражниками поскакал в Кузьмино к крестьянину Тасину и опять без всякого сопротивления арестовал его, а Ицка разыскал двое саней и полушубок со следами крови.

Мы привезли и этого Тасина, и все добро в управление полиции, и когда приехали Келчевский и Прудников, я им представил и людей, и вещи, и полный отчет.

Прудников восхитился моей быстротой и распорядительностью, а Келчевский только засмеялся.

– Вы еще не знаете Ивана Дмитриевича! – сказал он.

В ответ на эти похвалы я указал на Ицку, прося отличить его. Между прочим, это был очень интересный еврей.

Как он попал в стражники, я не знаю. Труслив он был как заяц, но как сыщик – незаменим. Потом он долго служил у меня, и самые рискованные или щекотливые расследования я всегда поручал ему.

Маленький, рыжий, с острым, как шило, носом, с крошечными глазками под распухшими воспаленными веками, он производил впечатление ничтожности и с этим видом полной приниженности проникал всюду.

У него был прямо гениальный нюх. Когда во время обыска все теряли надежду найти что-нибудь, он вдруг вытаскивал вещи из трубы, из-за печки, а один раз нашел украденные деньги у младенца в пеленках!

Но о нем еще будет немало воспоминаний...

Келчевский и Прудников, не теряя времени, тотчас приступили к допросу. Первым вызвали Тасина. Тот тотчас повалился в ноги и стал виниться.

– Пришли двое и продают. Вещи хорошие и дешево. Разве я знал, что это грабленное?

– А кровь на полушубке?

– Они сказали, что свинью кололи к празднику, оттого и кровь.

– А откуда они узнали тебя?

– Так пришли. Шли и зашли!

– Ты им говорил свое имя?

– Нет!

– А как же они тебя называют? Идите, говорят, к Константину Тасину...

Он сделал глупое лицо.

– Спросили у кого-нибудь...

– Так! Ну, а ты их знаешь?

– В первый раз видел и больше ни разу!

Прудников ничего больше не мог добиться. Тогда вмешался Келчевский.

– Слушай, дурень, – сказал он убедительным тоном, – ведь от твоего запираательства тебе не добро, а только вред будет! Привезем тебя в Петербург, там тебя твои продавцы в глаза уличат да еще наплетут на тебя. И мы им поверим, а тебе нет, потому что ты и сейчас вот врешь и запираешься.

Тасин потупился.

– Иди! Мы вот других допросим, а ты пока что подумай!

И Келчевский велел увести Тасина, а на смену ему привести братьев по очереди.

Первым вошел Иван Дубовицкий, высокий, здоровый парень, красавец.

– Попутал грех. Этих самых Петрова да Иванова я еще знал, когда они в бегах тут околачивались. Первые воры, и, сказать правду, боялся я их. Не пусти ночевать – двор спалят, потому и пускал. Ну а потом они, значит, в Питер ушли, а там мне стали лошадок приводить и задешево. Я и брал. С одной стороны, ваше благородие, дешево, а с другой стороны, боялся я их, – чистосердечно сознался он.

– Знали вы, что это лошади убитых извозчиков?

Он замялся.

– Смекал, ваше благородие, а спросить не спрашивал. Боязно. Раз только сказал им: «Вы, братцы, моих ребят не замаете!» Они засмеялись да и говорят: «А ты пометь их!» Только и было разговора.

Его отослали, а на смену вызвали брата. Василий – полная противоположность Ивану. Слабогрудый, бледный, испитой парень. Он тяжело дышал и глухо кашлял.

– Ничего не знаю, – сказал он. – Брат всем делом владеет, а я больной, на печи лежу.

– Знал ты бродяг Петрова и Иванова?

– Ходили такие. Раньше даже ночевали у нас. Брат очень опасался их.

Мы снова позвали Тасина. Слова Келчевского, видимо, оказали свое влияние.

– Припомнил я их, – сказал он сразу, как вошел. – Один – Петров, а другой – Иванов. Петров тоже не Петров, а беглый какой-то... Познакомился я с ними, когда они в Царском жили, а потом ушли в Питер и оттуда мне вещи привозили. Их там шайка целая. Всех-то я не знаю и никого не знаю, а только главное место, где они собираются, – это будки на шоссе.

– Девять и одиннадцать?

Тасин тотчас закивал головой.

– Вот, вот! У них все гнездо! Там они и живут, почитай, все!

– А кого ты знаешь из них?

– Только двоих и знаю.

Больше от него узнать было невозможно. Мы собрались уезжать. Двух Дубовицких и Тасина при нас же отправили с конвоем в Петербург, а следом за ними поехали и мы. Келчевский потирал руки.

– Ну, значит, эти душителы все у нас!

– Надо думать!

– Скажите, пожалуйста, – обратился ко мне Прудников, – откуда вы узнали про этих... ну, как их... сторожей?

- Про Славинского и Сверчинского? – ответил я. – Очень просто. Я был у Славинского.
- Были?! – воскликнул Келчевский.
- Я в эту ночь ночевал у него в сторожке, – засмеялся я и описал все происшедшее.
- Видимо, этот Мишка у них штука не малая, – окончил я.
- Значит, их всех арестовать можно?
- Можно, но надо уловить момент.
- Отлично! – засмеялся Прудников. – Сперва уловим момент, потом их! Поручаем это

всецело вам.

Я поклонился.

Мы приехали в Петербург. Я отправился домой отдохнуть и позвал к себе Ицку, а Келчевский с Прудниковым поехали продолжать свои допросы.

– Слушай, – сказал я Погилевичу, – вот в чем дело...

Я рассказал ему про свою ночевку в будке, описал Мишку, Славинского, девушек и окончил рассказ словами:

– Так вот, теперь надо, во-первых, выследить всех, кто там бывает, и узнать их имена. Потом узнать, когда они там соберутся. И третье – переловить их. Но это уже не наше дело. Наше дело – накрыть, понял?

– Ну и чего же тут не понять? – ответил Ицка.

– Ну тогда – шагай!

Ицка ушел и с этого же часа начал действовать.

Лично я был еще раз в разбойничьем гнезде для того, чтобы лучше осмотреть его. Павел Славинский и Стефания приняли меня очень радушно. У них был тот ночной гость, который увел Павла пьянствовать к соседу. Он оказался каким-то Сашкой и потом причинил мне немало хлопот. Я сразу запомнил его зверскую рожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.